

ДВОЙНИК

*К 100-летию со дня рождения
Феликса Дадаева*

Феликс Дадаев (слева)

Геннадий Норд

С Феликсом Гаджиевичем Дадаевым меня много лет назад познакомил академик Яков Мессенджер.

— Увидишь живого Сталина, — пообещал академик.

И не обманул. Передо мной стоял человек безумно похожий на вождя всех народов.

Обично, информация о двойниках политических лидеров если и рассекречивается, то спустя десятки лет. Так случилось, например, с данными о двойниках Сталина. В 1998 году стало известно, что одни из них были Феликс Дадаев.

Талант с возрастом не уходит — Феликс Гаджиевич успешно доказал это на нашей встрече. То, что должно было стать «интервью», превратилось в его «выход на бис» — великолепное шоу, выполненное седовласым аксакалом экспромтом с юношеской легкостью и юмором.

Рисунок, сделанный левой рукой в тот момент, когда правой ставился автограф, и фокусы с первыми попавшимися под руку предметами (не со сцены, а сидя рядом!) на какое-то время создали ощущение ирреальности происходящего.

А когда из-за стола встал «Иосиф Виссарионович», прошелся по кабинету и произнес речь, я увидел перед собой живого Сталина, хорошо знакомого всем по документальной хронике. Да... «двойников» на Лубянке подбирать умели.

О том, что у вождя было несколько двойников, говорили уже давно. Известно, например, о Евсее Лубицком.

Когда состоялось успешное покушение на Кирова, Сталин задумался о своей безопасности. Джугашвили приказал отправить на юг страны людей, чтобы те поискали лиц, похожих на него.

Такие нашлись. В частности, бухгалтер Евсей Лубицкий. Рассказывают, что ему сделали даже две пластические операции, чтобы он был сильно похож на вождя.

Быть двойником главы государства, как мне казалось ранее — это дело интересное и почтенное. Но многих из тех, кто работал двойниками и над двойниками, уничтожали.

Лубицкий, можно сказать, вышел сухим из воды. Лубицкого арестовали в 1950-х годах, готовились расстрелять. Но тут объявили, что Иосиф Виссарионович ушел из жизни. И тогда Лубицкого отправили в Душанбе, взяв подпись о том, что из Средней Азии он выезжать не будет.

С Дадаевым все произошло еще лучше. Начать следует с любопытных фактов.

Во-первых, Феликс жив. Ему 4 марта исполнилось ровно сто лет!

Во-вторых, настоящее имя Дадаева — Газават. Имя Феликс он взял себе в память о командире, павшем на фронте во время Великой отечественной.

В-третьих, Дадаев отважно воевал,

был ранен. Он награжден многими орденами и медалями.

В-четвертых, семья Феликса Гаджиевича получила-таки похоронку. Произошла ошибка: Дадаева ошибочно записали в небожители. Но он был, как я сказал, только ранен. Это было на пользу всем. Если бы родные узнали, что Феликс исполняет роль вождя, то этим людям, возможно, не поздоровилось бы.

И, в-пятых, у Кобы и Газавата была большая разница в возрасте. Сталину, когда с ним и под него начал работать Дадаев, было за 60. А Феликсу чуть больше 20 лет.

Дадаев говорил, что выглядел он тогда намного старше своих лет — жизнь у него была непростой.

Несмотря на то, что в 1996 году опубликовали архивы по Дадаеву, сам он нехотел рассказывать детали своей деятельности.

Известно, что Газавата долго готовили к роли, показывали хронику со Сталиным, учили мимике, жестам, походке, манере говорить. Затем, Дадаева в образе «внедрили» в окружение Кобы. Никто не заметил подмены. А если кто и понял, что что-то не так, то не подал виду.

Дадаев рассказывал, что задачи у него были разные: выйти из Кремля и сесть в автомобиль, постоять на трибуне в День физкультурника, заночная важное сообщение голосом Сталина.

Гази рано начал трудиться. Сначала пастухом, а потом у отца научился профессии лудильщика и ювелирному делу.

Однако было у него главное увлечение, которое постепенно переросло в дело всей жизни. Дадаев горячо любил танцы и актерское мастерство.

Потом семья переехала в Махачкалу, и там Газават поступил в детский ансамбль имени Сулаймана Стальского, который позднее получил название «Лезгинка».

В 1939 году на Северокавказской Олимпиаде искусств умеющий танцевать «на пальцах» мальчишка привлек внимание руководителей Государственного ансамбля песни и танца Украинской ССР. Так он стал артистом этого известного коллектива и переехал с семьей в Украину.

К сожалению миллионы людей, пришла напаст — Вторая мировая война. В Днепропетровске на базе ансамбля была создана фронтовая бригада, куда вошли знаменитые впоследствии артисты: Юрий Тимошенко и Ефим Березин (на фронте выступали в сценических образах бандура Мочалкина и повара Галкина, а позже они стали Тарапуны и Штепслем), Борис Синкин, Ян Френкель, Марк Фрадкин.

С фронтовой концертной бригадой и начались профессиональная жизнь Дадаева — артиста широкого профиля. Его знали как танцора, актера разговорного жанра, конферансье. На сцене он демонстрировал еще и свои уникальные способности за несколько секунд обеими руками нарисовать любую карикатуру, из любого положения бросить нож точно

в цель, он показывал фокусы, сочинял и пел сатирические куплеты.

В рядах популярной концертной бригады юный Дадаев дошел до Берлина. Пришлое и воевать, и партизанить, и в разведку ходить. Много чего пришлось. Свою военную биографию он завершил с орденами и медалями на еще мальчишеских груди.

В один из военных дней Дадаев вместе с сослуживцами попал под обстрел, получив серьезное ранение. Его и еще одного парня в госпитале посчитали мертвым. В госпитальный морг отправили семь трупов, а оказалось: два человека живы! Одним из них был Дадаев.

Но родственники Газавата так и не узнали, что их сын жив. Парни уже применили спецслужбы и отправили родителям похоронку.

Помимо внешнего сходства, «сверху» обратили внимание и на артистические данные. Возглавлявший охрану Кремля генерал Николай Власик к тому моменту уже 20 лет подбирал «дублеров» Сталину и делал это постоянно.

Первый двойник Иосифа Виссарионовича погиб при исполнении обязанностей. Кавказца по фамилии Рашидов подорвали на заложенной бомбе, во время проезда кортежа по Красной площади. На месте Рашидова должен был быть Сталин.

Очень кстати был факт фиктивной гибели Дадаева, во-первых, этот человек перестал существовать, а значит, был идеальным кандидатом на роль двойника, во-вторых, возможно это спасло жизнь ему и его родственникам. Часто двойников по ненадобности бросали в тюрьмы, отправляли в ссылки или того хуже. К родственникам применялись те же методы.

Феликса быстро отправили спецрейсом в Москву, и в 1943 году он уже исполнил роль лидера СССР.

— То есть сходство с вождем было?

— Вообще у меня с Сосо было стопроцентное сходство во всем! У меня с ним совпадения и в росте, и в голосе, и в носе. Только уши делали, как у вождя. Процесс, между прочим, несложный. Ухо обклеивали особой клейкой гуттаперчевой накладкой телесного цвета. За счет нее ушная раковина становилась глубже. Потом добавляли разные ушные нашпеки, места склейки запудривались, и уши формы товарища Сталина готовы.

— Но ведь не могло быть без отличий?

— Некоторые отличия были, но их старательно исправляли. В первую очередь пришлось делать желтые от курения зубы и оспенные пятна, покрывавшие

лицо вождя с детства. Накладывал слой темного грима, а потом сильно надавливал металлической щеткой, создавая импровизированные оспенные отметины. Позже, после засыхания грима, еще припудривал сверху лицо.

— Долго длилась роль Сталина?

— До самой смерти вождя. Я часто появлялся как на людях, так и участвовал в международных встречах. Никто даже не догадывался, что перед ними не Иосиф Виссарионович. Помимо официальных встреч и появленияй, я снимался в кинохронике, исполняя роль Сталина.

— Кинохроника ведь остается на века. Почему Сталин сам не снимался?

— Может, занят был. Но делалось это, разумеется, с ведома и согласия самого Иосифа Виссарионовича. А еще я читал доклады, подражая его голосу...

— Вы человек нелегкой судьбы. У меня в руках подаренная Вами книга «Коран Гази Дадаева». Я знаю, что она далеко не первая, но, как мне кажется, — главная книга Вашей жизни. Ведь в ней — ваш жизненный опыт, ваши мысли и чувства, ваша боль и ваша надежда. Что подвигло на ее написание? Что подвигло на откровения, на которые вы не решались раньше?

— Признание облегчает душу. Лучше поздно, чем никогда. Раньше я никому о своей жизни не рассказывал — стеснялся, наверное, что люди подумают, что я хвастаюсь, привлекаю к себе внимание. Но потом, слушая рассказы о мальчишеские горе, жизнь которого была наполнена на хитросплетениями невероятных событий, я все-таки решил признаться, что этот мальчишка — я.

Тогда и извлек на свет документы и фотографии тех времен, тогда и начал писать свои книги-вспоминания.

— Ваша семья, как и семья многих горцев, была строгих правил?

— Очень строгих.

— Можете привести примеры?

— Мой дедушка меня всегда наставлял. И когда я был еще ребенком, то твердо усвоил для себя, что с голодным надо деляться даже последней крошки хлеба. До сих пор не могу положить в рот еду, если кто-то рядом не может сделать тоже же — всегда делился.

А еще дед, а он был главой семьи, отучал меня от пренесущего мальчишкам вранья и хвастовства, рассказывая, что каждая неправда укорачивает человеку жизнь. Если я что-нибудь привирал, а фантазия была богатой, то тут же пугался и проверял — не отваливается ли у меня кончик языка.

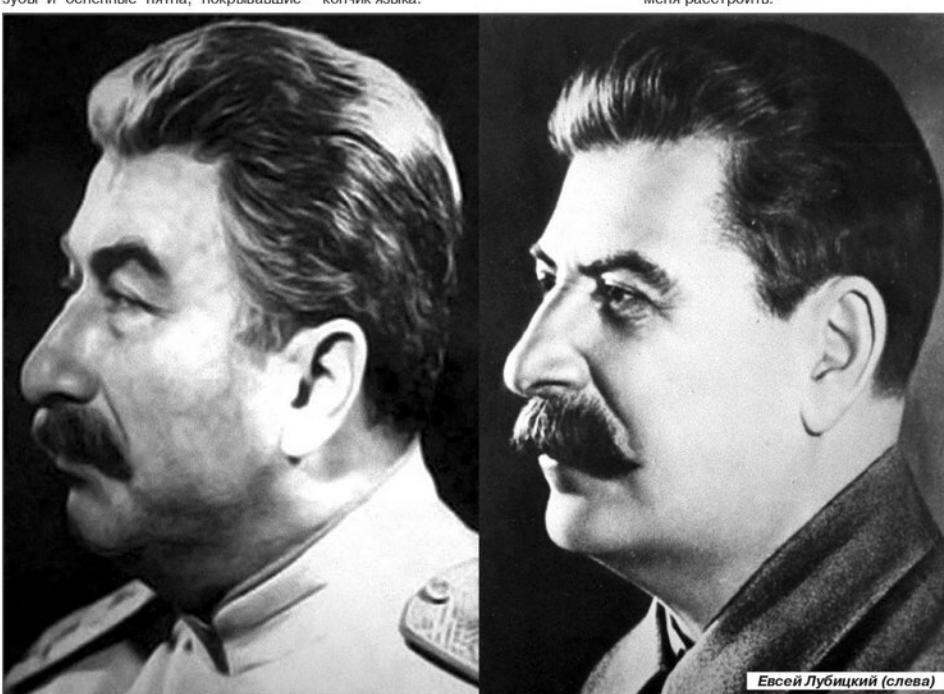
Что правда, а что миф в истории с «двойником»?

— Многое придуманного. Я никогда не участвовал ни в каких тайных операциях, меня никогда не подставляли вместо Сталина, чтобы уберечь его от возможных терактов или провокаций — ничего подобного не было. Один раз я действительно стоял на Мавзолее — в День Физкультурника. Так сложились обстоятельства, что Иосиф Виссарионович не мог там быть. А вот документальное кино — там частенько снимался. Но и об этом стало можно говорить только после того, как в 1996 году материализовался «двойник» — рассекретили.

— Вживаясь в роль Сталина, ощущали ли Вы влияние его личности на свою судьбу? Это не формальный вопрос. Одно из древнейших магических учений — контагиозная магия — основано на том, что некие материальные объекты, единожды соприкоснувшись, продолжают пребывать в контакте постоянно. Древние маги, к примеру, даже воздействовали на человека одеждой, которую когда-то носил другой человек.

Разумеется, наука это высмеивала, но оказалась в затруднительном положении, когда Альберт Эйнштейн и его сотрудники Борис Подольский и Натан Розен открыли эффект, состоящий в том, что две субатомные частицы, однажды соприкоснувшись, могут влиять друг на друга даже на расстоянии нескольких световых лет. Эффект был назван по первым буквам их фамилий. Так вот: ощущали ли Вы на себе ЭПР-эффект в связи с тем, что соприкасались с жизнью Иосифа Виссарионовича?

— И кто придумал такую глупость, что меня одевали в одежду Сталина? Меня громировали — ведь я был наимного моложе его! Приклеивали седые пряди, рисовали морщинки, делали оспины на лице — для этого щетку для волос вдавливали в грим.

Евsey Lubitsky (слева)

Окончание на с. 16

Окончание. Начало на с.15

И шили для меня специальные костюмы, копирующие то, в чем он ходил! Я никогда даже не прикасался к его личным вещам, так что никакой информации с них снять не мог!

Хотя присутствие Сталина в своей жизни я всегда ощущал и продолжал ощущать. Это как у актера, которому надо вжиться в роль, если он хочет сыграть ее правдиво — наверное, где-то в мозгах это откладывается навечно. Но это ведь связано только с внешними атрибутами образа Сталина, а никак не с его духовной составляющей.

— Я знаю, что вам долго приходилось любоваться северным сиянием. Если не хотите, то не рассказывайте...

— Северное сияние — это удивительной красоты природное явление. Долгие семь лет оно сопровождало мою жизнь. Неповторимые красочные картины, разворачивающиеся над головой, были единственным, что согревало душу в кошмаре Колымы, ставшей для меня важным жизненным уроком.

В 1946-м судьба уготовила мне холодные годы в лагере на севере страны. Снежные бури зимой, белые ночи весной, северное сияние переливается радугой на звездном небе. Красота сказочная, если бы не тесные, переполненные людьми бараки, бесплодные споры, страсти, каторжный труд, обманутые надежды...

Забыть этого нельзя. Всю свою дальнейшую жизнь стоит мне посмотреть на чистый снег — я сразу вижу блестящие снежные холмы колымского

Усть-Омчуга. А в маршах слышу топот звоков, выходящих на раннюю адскую работу в каменоломню...

Весь кошмар советской Колымы перед глазами на всю жизнь.

— Вы пошли по политической статье?

— Представляешь, нет. Но арест и отправка на Колыму — отдельная история, которую рассказать подробно не хочется. Но за семь лет было время поразмышлять, погоревать и ума-разума наработать.

— Что вынесли из зоны?

— Эти семь лет дали мне импульс к написанию книг с советами, которые имеющие уши да услышат.

Везде можно остаться человеком. Везде можно сохранить достоинство.

— Ваши таланты и в лагере заметили?

— Это было вполне закономерно. Меня, эзака, включили в концертную бригаду при штабе Дальневосточного военного округа.

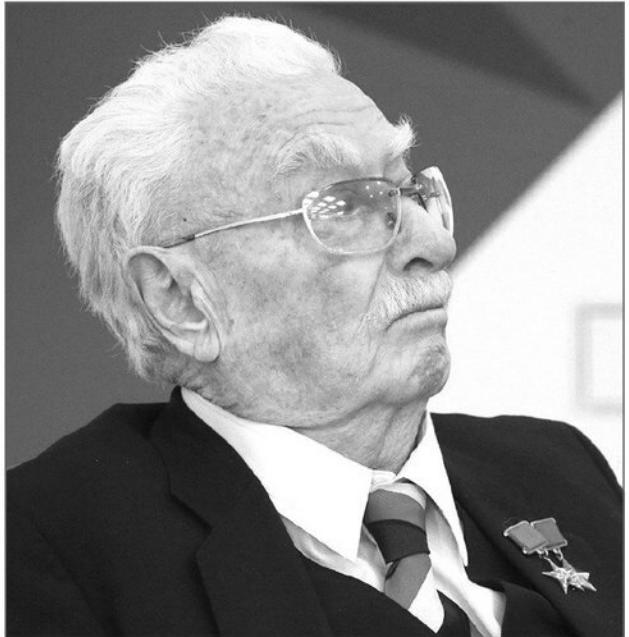
— Выступали в лагерях?

— Не только. Объездил с выступлениями всю Маньчжурию, Чукотку, Сахалин.

— Я бывал на Колыме. Удручающая картина.

— Ты бывал, как свободный человек. А у меня тяжкие лагерные будни, ежедневная сводящая с ума картина. Среди небольших сопок в снегах, словно в морских волнах, проглядывается лагерный комплекс, напоминающий полузатонувший серый корабль, длинные бараки в морозной дымке, вкопанные в замерзший грунт, выглядят мертвой грязной картиной.

И время будто остановилось, и только на закате появляются новые краски,

делающие страшную картину зоны, окруженной болотом, чуть более живой, но при этом еще более зловещей. Серое

хилое здание за колючей проволокой вмиг окрашивается в бордово-красный цвет, будто обагренное кровью. А за лесной сопочкой — лагерный могильник — «покойка», где на одном квадратном метре по три могилы. Ни холмиков, ни памятников здесь нет — в землю воткнуты палки, а к ним настремляются прибитые дощечки с номерами 1189, 1190... Это финал зазов. Ни имени, ни фамилии, ни дат.

— Знаю, что и эту страшную картину безысходности и мрака, в которых жили лагерники, вы осветили для них лучом веры и надежды.

Расскажите про Колымского Боженьку.

— Откуда про это знаешь?

— Раскопал в Ваших воспоминаниях.

— В поисках занятия, которое в редкие свободные от работы минуты отдыха могло скрасить тюремные будни, я занялся чеканкой и изготовлением поделок из дерева. Мой самодельный ножик-резец подчинялся руке, глаза подмечали в замысловатых узорах корыг узнаваемые образы, и в результате возникали небольшие деревянные скульптуры.

Увидев эти изделия, один из заключенных — якут, потомок алеутов сказал:

— Если тебе удастся смастерить полезное людям, то ты приобретешь дух Бога. Дерзай, но не забудь перед работой помолиться и помыть руки — дело святое!

— И вы сразу почувствовали, что будете делать?

— Не сразу. Но прошло совсем немного времени, и я уже знал, к чему тянет душа. Искал «материал» — древесину, которая режется без сколов. Остановился на липе. После долгих поисков был найден ее засохший ствол с раскинувшимися в разные стороны толстыми ветвями. Дерево спилили, и я взялся за работу.

Я задумал вырезать деревянную скульптуру в человеческий рост — лагерного «Боженьку».

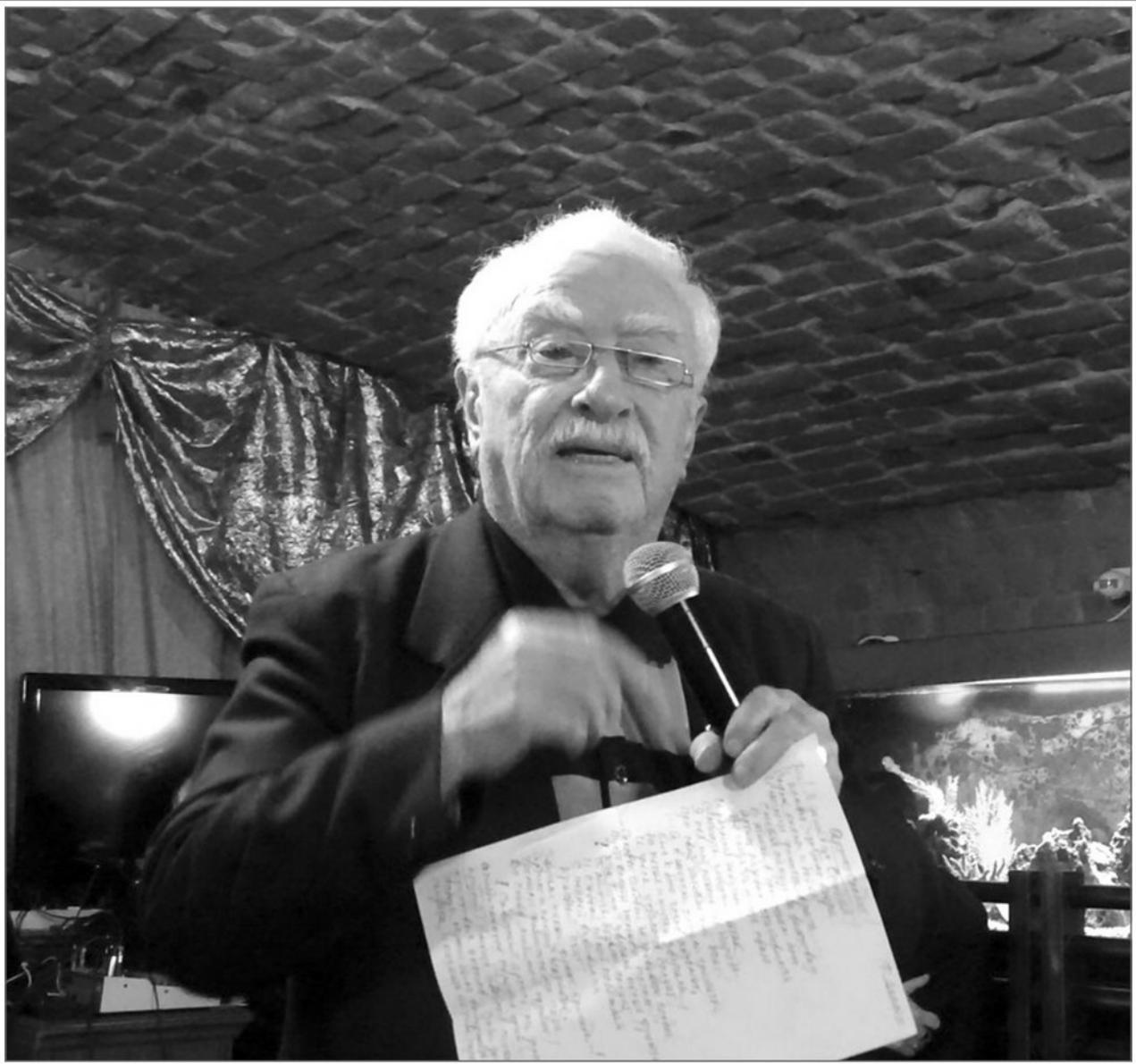
Брата поверила в мои намерения, многие заволновались и стали соображать, где добыть стамеску и топорик. Не кайлом же рубить! Предлагали стырить в соседских мастерских пару же лезий, соорудить специальные заточки. Но это было прямым нарушением лагерных правил.

И тогда я подумал про то, что и начальство, и вертухаи — тоже люди, у которых тоже должна быть совесть.

— Погли к начальнику лагеря?

— На следующий день попросился на срочный прием к «гражданину начальнику». Трудно определить, что стало самым убедительным для него доводом. Я привлек в качестве аргументов такие

доводы, как совесть коммуниста и отца, возможность перевоспитания заблудших людей, уважение эзеками, даже известность не только на Севере, но всей стране.

— Он разрешил?

— Не просто разрешил. В конечном итоге выдал режущий инструмент и выделил место для работы в местной котярке.

С этого дня я начал создавать деревянную скульптуру лагерного «Боженьки».

— Не думали, а вдруг не получится?

— Конечно, пугала мысль о возможной неудаче. Но меня будто кто-то подхлестывал. Я уже твердо знал, что хочу увидеть по завершении своей работы — фигуру в человеческий рост распятого на кресте Иисуса Христа.

— А как к этому отнеслись в лагере?

— С энтузиазмом. К бывшей клинике «Азиат» добавили еще одну — «Папа Карло». Но шутили по-доброму и помогали, члены могли. Добыли еще один кусок дерева для головы скульптуры, которую необходимо было изготовить отдельно, а потом «прирастить» к туловищу.

— Сколько длилась работа?

— Четыре месяца. Меня освободили от всех работ, кроме уборки небольшого клуба. Я творил. Но даже эту уборку по указу «воров» взяли на себя «хулиганы».

И в углу кочегарки с каждым днем все чаще вырисовывался образ Иисуса Христа, которому уже молились эзки, перечитывая привезенное из поселка потертое «Евангелие».

— В зонах слух о чем-то необычном разлетается молниеносно.

— Точно. О моей затее уже знали соседние зоны, и все удивлялись тому, что русского «Боженьку» создает мусульманин. Да и многие мои братья по вере поначалу упрекали меня в отступничестве. Но постепенно ситуация менялась: ни одно воскресенье, ни один день рождения, ни один религиозный праздник не обходился без того, чтобы в кочегарку к еще незавершенной фигуре не приходили люди разных вероисповеданий, чтобы постоять рядом, мысленно помолиться и попросить о помощи. На постаменте и на кресте стали появляться маленькие айты — мусульманские полумесяцы, которые я по просьбе своих единоверцев вырезал из металла.

Колымский Боженька притягивал к себе верующих и неверующих. Рядом с ним отогревались сердца, и у измученных, и потерявших надежду людей появлялись новые силы для ожидания светлого часа освобождения.

— Неужели все делали сами? Никто не помогал?

— Помогали все эзки. А в завершение

нашли сухие тонкие корни, и я, объединив их с медно-красными тонкими проволочками, изготовил волосы и бороду, а из доброты колечек проволоки — терновый венец.

Надо было прикрепить фигуру к кресту, но именно это оказалось для меня самым тяжким испытанием. Я не мог решиться вбить молотком железные колты в святое и почти живое для меня изваяние. Но все-таки решился и сделал.

Оставались последние штрихи: сотворить из смолы слез, которую роняет Господь, глядя на своих несчастных детей, губной помадой прорисовать кровь, стекающую из ран, а затем обработать все лаком.

— Открытие было торжественным?

— Открытие было запланировано провести на построении 4 марта 1949 года. Окончание работы я подгадал к своему дню рождения. Сделать подарок и всем верующим, и себе тоже — добро!

В 6 часов утра 4 марта 1949 года на площади зоны слышалось слезное дыхание и шепот молящихся людей — и христиан, и мусульман, и иудеев, и атеистов. Благодатную и не вписываемую в церковные каноны молитву слушали леса и горы всей Колымы.

— В этом есть что-то от идолопоклонничества.

— Есть. Но не суди, и не судим бу-

дешь! Да и кто решится осудить людей за обращение к Богу, в каком образе он не предстал перед ними? Там, на Колыме, я создал единого для всех религий Бога, которого приняли измученные, а частью и очерствевшие души лагерников, и дали ему имя — Колымский Боженька.

— А как начальник отреагировал?

— Молчал. А еще мне очень запомнился такой эпизод: нарушив все правила утреннего построения, под взглядом промолчавшего «хозяина» ко мне подошел старик-рецидivist Степаныч, перекрестился, обнял, поцеловал и тихо сказал:

— Ты, Гази — человек. Спасибо тебе! Живи долго.

— А что было после освобождения?

— А после освобождения с разными военными ансамблями — хабаровским и сахалинским — побывал в Японии и Китае. А в 1957 году Маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский, ставший министром обороны и переведенный в Москву с Дальнего Востока, где был командующим войсками округа, забрал меня с собой.

И началась жизнь!

За свои долгие сто лет Феликс Датдаев удостоился множества почетнейших наград. Но это уже совсем другая история.